

УДК 81' 42 : [811.161.1 + 811.112.1]

ББК 81.0

М 64

Мироненко С.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры арабского языка и вторых иностранных языков Адыгейского государственного университета, e-mail: swet.mironenko2014@yandex.ru

Каратаева Л.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: karataeva53@mail.ru

Игра слов в русской и немецкой поэзии

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается игра слов как одна из форм творчества, реализующая эстетическую функцию языка. Выявлено, что в поэтическом дискурсе в русском и немецком языках для создания игры слов используются различные способы и словообразовательные модели. Проанализированы стихотворения русских и немецких авторов и описаны рассматриваемые явления. Показано, что в поэзии, как ни в каком другом виде дискурса, в наибольшей степени проявляется авторское словотворчество. На основе лингвостилистического анализа выявлены общие и отличительные признаки создания игры слов в русской и немецкой поэзии. Установлено, что общими для обоих языков являются обыгрывания многозначных и омонимичных слов, создание окказионализмов и паронимической игры слов, основанной на реализации типологической модели словосложения. Существенное отличие составляет продуктивность применения в сопоставляемых языках тех или иных словообразовательных средств при создании окказиональных новообразований и паронимической игры слов. Установлено, что в отличие от русского языка, многосложное слово в немецком языке является характерологическим признаком лексических единиц и словосложение выступает доминирующей моделью образования узуальных и окказиональных лексем в немецком языке.

Ключевые слова:

Игра слов, многозначные слова, омонимы, окказиональное словообразование, паронимы, словосложение, продуктивная словообразовательная модель.

Mironenko S.A.

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the Arabic Language and Second Foreign Language, Adyghe State University, e-mail: swet.mironenko2014@yandex.ru

Karataeva L.V.

Candidate of Philology, Associate Professor of German Philology Department, Adyghe State University, e-mail: karataeva53@mail.ru

Word play in the Russian and German poetry

Abstract:

The word play is explored as one of forms of creativity implementing esthetic function of language. Various techniques and word-formation models are used in a poetic discourse

in the Russian and German languages to create a word play. Poems of Russian and German authors are analyzed and the phenomena under study are described. In poetry, unlike in any other type of a discourse, word building is most abundant. On the basis of the lingual stylistic analysis, we show the general and distinctive features of creation of a word play in the Russian and German poetry. We have found that the techniques common for both languages are an outplaying of multiple-meaning and homonymous words, creation of nonce words and paronymic word play which is based on realization of typological model of a word building. Essential difference makes efficiency of application of these or those word-formation means in the compared languages at creation of occasional new words and paronymic word play. It is inferred that, unlike Russian, the multisyllable word in German is the characterological feature of lexical units, and the word building acts as the dominating model for formation of usual and occasional lexemes in German.

Keywords:

Word play, multiple-meaning words, homonyms, occasional word formations, paronyms, word building, productive word-formation model.

Игру слов можно охарактеризовать как одну из форм творчества, обладающую направленностью эстетического воздействия – доставить читателю (слушателю) эстетическое наслаждение. По мнению Н.Е. Маловой, «эстетическая функция заключается в том, чтобы разбудить в читателе эмоции, заставить его сопереживать героям, погрузиться в произведение искусства полностью, стать частью вымышленного мира» [1: 167]. В наибольшей степени эстетические возможности игры слов реализуются в поэтическом дискурсе.

Игра слов посредством эффекта деавтоматизации восприятия текста привлекает внимание к самой форме слова, что, согласно Р. Якобсону [2], характеризует эстетическую (поэтическую) функцию языка. «В своем крайнем проявлении она так переориентирует коммуникативные акценты, что реальной целеустановкой дискурса становится языковая форма в ее звуковой, лексической фактуре, в то время как содержание отходит на задний план» [3: 8]. Поэтический язык в самой общей форме В.П. Григорьев определяет как «язык с установкой на творчество, необходимый для познания того, что еще не закреплено в общем языке народа. Поэтический язык своеобразно закрепляет в своих структурах художествен-

ный опыт общества – от пословиц, «крылатых слов», семантических и материальных окказионализмов до новых типов метафор, способов паронимических сближений в тексте и некоторых беллетристических «текстем» [4: 16].

В русской и немецкой поэзии используются различные способы создания игры слов. Общими являются обыгрывания многозначных и омонимичных слов.

В «Песне о звездах» В. Высоцкого обыгрываются значения слова *звезда* (1) «небесное тело» и 2) «отличительный наградной знак у военных»:

*Звезд этих в небе – как рыбы в прудах, -
Хватит на всех с лихвою.*

*Если б не насмерть, ходил бы тогда
То же – Героем.*

Я бы Звезду эту сыну отдал,

Просто – на память...

*В небе висит, пропадает звезда –
Некуда падать* [5: 43].

Хайнц Эрхардт (Heinz Erhardt) известен в Германии как автор многочисленных юмористических текстов, построенных на игре слов, как прозаик и поэт нонсенса. Одно из первых его стихотворений называется «*Der Apfelschuss*» – «Яблочный выстрел», в основу которого положено сказание о Телле. Согласно швейцарской легенде, наместник Гесслер приказал национальному герою Вильгельму

Теллю выстрелить в яблоко, лежащее на голове своего сына. Выстрел удался. Спустя некоторое время Телль убил тирана, что явилось знаком для восстания жителей против властей. Сказание о Телле возникло предположительно в четырнадцатом веке. С тех пор оно вдохновляет писателей и поэтов. Одно из известнейших произведений – драма Фридриха Шиллера «Вильгельм Телль» – было написано в 1804 году. Х. Эрхардт представил античную легенду в свойственной ему юмористической форме:

*Der Landvogt Gessler sprach zum Tell:
‘Du weißt, ich mache nicht viele Worte!*

*Hier, nimm einmal die Tüte schnell,
Sind Äpfel drin von bester Sorte!*

*Leg einen auf des Sohnes Haupt,
Versuch ihn mit dem Pfeil zu spalten*

*Gelingt es dir, sei’s dir erlaubt,
des Apfels Hälften zu behalten!’*

*Der Vater tat, wie man ihn hieß,
und Leid umwölkte seine Stirne,*

*der Knabe aber rief: «Komm, schieß
mir doch den Apfel von der **Birne!**»*

*Der Pfeil traf tödlich – einen Wurm,
der in dem Apfel wohnte...*

*Erst war es still, dann brach ein Sturm
des Jubels los, der’n Schützen lohnte!*

Man rief: «Ein Hoch dir, Willi Tell!

Jetzt gehn wir einen trinken, gell?»[6: 3]. –

Наместник Гесслер сказал Теллю:

«Ты знаешь, я много не разговариваю!

Быстро возьми этот пакет,

В нем яблоки самого лучшего сорта!

Положи одно на голову своего сына,

Попытайся расколоть его стрелой!

Если ты сможешь это сделать,

то обе половины яблока будут твои!»

Отец сделал так, **как приказали**,

стало мрачным от печали лицо,

но мальчик закричал: «Давай, выстрели

в яблоко, чтоб оно упало с **тыквы!**»

Стрела смертельно поразила червяка,

который жил в яблоке...

Сначала было тихо, потом раздался

гром ликования, достойный стрелка!

Тут закричали: «Да здравствует Телль!

Теперь пойдем выпьем, да?» (Перевод наш – С.М.).

Сын Телля призывает отца выстрелить в яблоко: «*Schieß mir doch den Apfel von der **Birne***» «Сбей же яблоко с моей **тыквы!**». Слово *Birne* «груша» используется в данном случае не для обозначения фрукта. *Birne* является фамиларно-разговорным синонимом лексемы *Kopf* «голова». В русском языке эквивалентные синонимы – *голова* и *тыква*. Последнее слово имеет такие же характеристики (разряд сниженной лексики, негативные коннотации), как немецкое *Birne* «груша». Телль сделал то, что от него требовал Гесслер: «*Der Vater tat, wie man ihn hieß*». *Hieß* – глагольная форма претеритум для обозначения действия, произошедшего в прошлом, образованная от глагола *heißen*, имеющего в немецком языке два значения. Первое используется, когда говорят: «Меня зовут Петров Алексей» или «Меня зовут Ханс Мюллер». *Heißen* в этом случае используется в значении «носить, иметь какое-либо имя, фамилию». В стихотворении данный глагол употреблен в значении «приказывать», которое в настоящее время используется сравнительно редко.

Название другого стихотворения Х. Эрхарда «*Warum die Zitronen sauer wurden*» основано на игре значений слова *sauer*. С одной стороны, прилагательное *sauer* означает действительное вкусовое восприятие – «кислый», с другой, в словосочетании с глаголом *warden* «становиться» может использоваться для обозначения обиженного, оскорбленного, разозленного человека: *sauer warden* «злиться, обижаться». В стихотворении используется персонификация, качества человека переносятся на неодушевленные предметы. Лимоны «разозлились», то есть стали кислыми, потому что бог не выполнил их желания. Возможны два варианта перевода названия стихотворения:

«Почему лимоны разозлились?» и «Почему лимоны скисли?»:

Ich muss das wirklich mal betonen:

*Ganz früher waren die Zitronen
(ich weiß nur nicht genau mehr, wann dies
gewesen ist) so süß wie Kandis.
Bis sie einst sprachen: «Wir Zitronen,
Wir wollen groß sein wie Melonen!
Auch finden wir das gelb abscheulich,
Wir wollen rot sein oder bläulich!»
Gott hörte oben die Beschwerden
Und sagte: «Daraus kann nichts werden!
Ihr müsst so bleiben! Ich bedauer!»
Da wurden die Zitronen **sauer**... [6: 7]. –*

Я должен все же уточнить:
Давным-давно были лимоны
(только точно я уже и не знаю,
когда) такими же сладкими как леденцы.
Но однажды они сказали: «Мы,
лимоны, хотим быть такими же больши-
ми, как дыни!
И желтый цвет – ужасный цвет,
Мы хотим быть красными или голубы-
ми!»
Бог выслушал жалобы
И сказал: «Ничего не выйдет!
Сожалею! Вы будете такими же, как
есть!»
И тут лимоны **разозлились**... (и тут ли-
моны **скисли**...) (Перевод наш – С.М.).

В поэзии, как ни в каком другом виде дискурса, в наибольшей степени проявляется авторское словотворчество. Окказиональные образования носят индивидуальный характер, «поэтому «подвести» их под какой-то типовой способ бывает нередко трудно, а иногда и невозможно» [7: 191]. Однако, если рассматривать «способ», как предлагает Е.А.Земская, в качестве термина, называющего обобщенное понятие, а не единичное, то окказиональное образование в русском и немецком языках можно систематизировать в плане словообразовательных средств, с помощью которых данные неологизмы создаются, поскольку при производстве нового слова автор так или иначе опирается на формально структурные модели. Общей и наиболее часто встречающейся моделью в русском и немецком языках является словосложение, продуктивность при-

менения которой, однако, в обоих языках составляет основное отличие.

Типологическая модель словосложения представлена сложными словами классов имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий в обоих языках. «Многообразие семантических и синтаксических отношений, которые потенциально могут быть выражены при реализации этой модели, делает эту группу сложных слов открытой» [8: 183]. Данная модель лежит в основе создания одной из разновидностей игры слов, представленной в русском языке контаминацией, например в стихотворении В.Высоцкого «Скалолазка»:

*«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя **скалоласковая!**...» [9].*

В немецком языке словосложение более продуктивно, чем в русском. Многоглагольное слово является характерологическим признаком немецких лексем. Рассматриваемая модель реализуется в виде трансформационных преобразований со словом (в данном случае сложным), при которых части слова могут меняться. Трансформационные преобразования составляют основу паронимической игры слов в эпиграмме Эриха Вайнерта, например:

*Der **Erbhofbauer**
Er hoffte einst, sein **Erbhof**,
Der würde ein **Erwerbhof**;
Doch ward es nur ein **Verderbhof**,
Und schließlich war's ein **Sterbhof**! [10: 360]. –*

Строитель наследственного крестьянского двора

Мечтал в наследство получить крестьянский двор,

Мечтал сей дар он превратить в доходный двор,

Но загубил усадьбу – стал никчемный двор,

И вот уж служит смертному ему он – кладбищем! (Перевод наш – С.М.).

Erbhof – это наследный крестьянский двор в Германии 1933-1947 гг., который переходил от отца к старшему сыну и

не подлежал разделу. В эпиграмме «Строитель наследного крестьянского двора» Ерих Вайнерт использовал окказионализмы с неизменяемым компонентом, композитом *Erbhof*, состоящим из основы глагола *erben* «наследовать» и существительного *Hof* «двор», основа которого *erb* является сегментом других глаголов, входящих в состав паронимов: *Erwerbfhof* образовано из *erwerben* «приобретать, зарабатывать» и *Erbhof*; *Verderbfhof* – из *verderben* «портить» и *Erbhof*; *Sterbfhof* – из *sterben* «умирать» и *Erbhof*. Перевод на русский язык не показывает игру слов оригинала. Сложные существительные исходного текста передаются конструкцией «прилагательное + существительное».

В следующем стихотворении Ф. Шиллера «*Wallensteins Lager*» «Лагерь Валленштайна», так же, как и в выше-рассмотренной эпиграмме, основу паронимической игры слов составляют трансформационные преобразования:

Der Rheinstrom ist worden zu einem Peinstrom,

*Die Klöster sind ausgenommene Nester,
Die Bistümer sind verwandelt in Wüsttümer,
Die Abteien und die Stifter*

*Sind nun Raubteien und Diebeskluefter,
Und alle die gesegneten deutschen Länder
Sind verkehrt worden in Elender* [11: 27]. –

**Поток Рейна стал потоком страданий,
Монастыри – выпотрошенные гнезда,
Епископства превратились в пустыни,
Аббатства и монастыри – теперь**

Разбойничьи и воровские пристанища,
А все благословенные немецкие земли
Превратились в **нищенские** земли (Перевод наш – С.М.).

Паронимические дублиеты создают основу стихотворения, предлагая не только своеобразное звуковое оформление, но и усиливая смысловую нагрузку всего стихотворения. В паронимах *Rheinstrom* «поток Рейна», *Peinstrom* «поток страданий» различными оказываются лишь начальные компоненты. Почти одинаково звучат также дублиеты *Klöster* «монастыри» и

Nester «гнезда». Лексема *Länder* «страны» созвучна со словом *Elender* «убожество, нищета». Авторский неологизм, сложное слово *Wüsttümer* «пустыни» образовано по аналогии с композитом *Bistümer* «епископства». Та же словообразовательная модель лежит в основе лексемы *Raubteien* «разбойничьи, воровские пристанища», являющейся паронимом *Abteien* «аббатства».

Совокупность значений, составляющих контаминированное слово компонентов, порождает совершенно новый смысл и новые коннотации. При этом большую роль играет контекст. Например, поразному можно трактовать окказионализм *Martergang*, использованный Ф. Шубертом в стихотворении «*Mein Gebet*» «Моя молитва», в зависимости от того, рассматривается он изолированно от всего произведения или в соответствии с контекстом. В переводе на русский язык переводчик использует два варианта: словосочетание «моя молитва» и окказионализм, состоящий из двух слов «пытка-жизнь»:

Mein Gebet

*Sieh, vernichtet liegt im Staube,
Unverhoertem Gram zum Raube,
Meines Lebens **Martergang***

*Nahend ew'gem **Untergang**.* –
Моя молитва

Видишь, в прахе пред тобою
Я с поверженной душою,
Пытка-жизнь меня сломила,
Мне уж видится могила.

[Перевод О. Татариновой] [12: 88].

Окказионализм *Martergang* образован по аналогии с лексемой *Untergang* «закат», в котором *-unter-* префикс, *gang* – корень. В сложном слове *Martergang* первый компонент *Marter* – существительное «пытка, мучение». Компонент *gang* имеет значение продолжительности действия, поэтому неологизм можно интерпретировать не как однократная пытка, имевшая место в жизни, а вся жизнь как постоянное мучение.

Таким образом, в поэтическом дискурсе в русском и немецком языках для соз-

дания игры слов используются различные способы и словообразовательные модели. Общими для обоих языков являются обыгрывания многозначных и омонимичных слов, создание окказионализмов и паронимической игры слов, основанной на реализации типологической модели словосложения. Существенное отличие составля-

ет продуктивность применения в сопоставляемых языках тех или иных словообразовательных средств при создании окказиональных новообразований и паронимической игры слов. Так, в отличие от русского языка словосложение является доминирующей моделью образования узуальных и окказиональных лексем в немецком языке.

Примечания:

1. Малова Н.Е. Реализация эстетической функции в художественных текстах // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. Вып. 4. С. 164-168.
2. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 456 с.
3. Никишин Я.К. Функциональные аспекты языковой игры: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 147 с.
4. Григорьев В.П. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М.: Наука, 1993. 175 с.
5. Высоцкий В.С. Избранное: стихотворения и песни. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 448 с.
6. Deutsche Welle: Deutsche im Alltag // Alltagsdeutsch. 2002. N 14.
7. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.
8. Зеленецкий А.Л., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1983. 240 с.
9. Высоцкий В. «Скалолазка» URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=566>
10. Deutsche Epigramme aus vier Jahrhunderten / Hrsg. A. und W. Dietze. Leipzig Verlag Philipp Reclam jun, 1973. 440 S.
11. Schiller F. Wallensteins Lager. Stuttgart: Verlag Philipp Reclam jun, 2005. 176 S.
12. Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX-XX вв.: сборник / сост. В.В. Вебер, Д.С. Давлианидзе. М.: Радуга, 1988. 816 с.

References:

1. Malova N.E. Realization of esthetic function in literary texts // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2011. Iss. 4. P. 164-168.
2. Jacobson R. Selected works. M.: Progress, 1985. 456 pp.
3. Nikishin Ya.K. Functional aspects of a language game: Diss. for the Cand. of Philology degree. Krasnodar, 2002. 147 pp.
4. Grigoryev V.P. From the past of linguistic poetics and interlinguistics. M.: Nauka, 1993. 175 pp.
5. Vysotsky V.S. Selected works: poems and songs. Rostov-on-Don: Phoenix, 2000. 448 pp.
6. Deutsche Welle: Deutsche im Alltag // Alltagsdeutsch. 2002. N 14.
7. Zemskaya E.A. Word formation as activity. M.: Nauka, 1992. 221 pp.
8. Zelenetsky A.L., Monakhov P.F. Comparative typology of the German and Russian languages: a manual for students of teachers' training colleges. M.: Prosveshchenie, 1983. 240 pp.
9. Vysotsky V. «A rockclimber» URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=566>
10. Deutsche Epigramme aus vier Jahrhunderten/Hrsg. A. und W. Dietze. Leipzig Verlag Philipp Reclam jun, 1973. 440 S.
11. Schiller F. Wallensteins Lager. Stuttgart: Verlag Philipp Reclam jun, 2005. 176 S.
12. A golden section. Austrian poetry of the XIX-XX centuries: a collection / comp. by V.V. Weber, D.S. Davlianidze. M.: Raduga, 1988. 816 pp.